II

Для правильного понимания марксистского учения о классовом характере всякой общественной идеологии важнейшее значение имеют замечания К. Маркса в работе «18 брюмера Луи Бонапарта». Говоря о «социально-демократической партии» 1848 г., или «красных республиканцах» (партии Ледрю-Роллена), К. Маркс характеризовал их как представителей мелкой буржуазии и разъяснял: «Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют».[24] Итак, классовое лицо идеолога определяется не тем, что он сам принадлежит или считает себя принадлежащим к данному классу, а тем, что он теоретически приходит к тем же задачам и решениям, к которым данный класс должен прийти в силу материальных условий и общественного положения.

Мысль Маркса о соотношении между «политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют», получила дальнейшее развитие в работах В. И. Ленина. Среди этих работ наибольшее значение для литературоведения вообще и для исследования древнерусской литературы в частности имеют работы В. И. Ленина о Льве Толстом — его статья 1908 г. «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и группа статей, появившихся после смерти Толстого.[25] Оценивая историческое значение творчества Льва Толстого, В. И. Ленин писал, что в «произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-„надельное“, стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны, и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению».[26] Так же как и Маркс в «18 брюмера...», В. И. Ленин исходил здесь отнюдь не из классового происхождения писателя: он отмечал, что «по рождению

---

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 148.

[25] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, тт. 17 и 20. Об истории написания этих работ см.: Б. Мейлах. Статьи Ленина о Льве Толстом. — В кн.: Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX века. Л., 1956, стр. 309 и сл.

[26] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 20—21.